

№196 Ведмица

Для духовных размышлений на предстоящую неделю

Матерщина против ханжества

Иногда спрашивают – а в какие моменты Богослужения положено налагать на себя крестное знамение – креститься? Вопрос на самом деле ужасный. Страшнее такого вопроса может быть только ответ, который мы можем прочесть в популярных книжках, наподобие «Закона Божия». Мол, заходя в храм, надо **перед иконами** перекреститься, **во время молитв** – особенно когда звучит имя Пресвятой Троицы – во имя Отца, и Сына, и Святого Духа и т.д. Кошмар как раз в том, что написано всё правильно. Ну а как не перекреститься, когда мы произносим в молитве имя Самого Бога? Тут и спорить неприлично – как укорить человека, который, преклоняясь перед Всевышним, Творцом Вселенной, выражает своё благоговение скромным жестом, обозначающим наше причастие ко Христу – единственному Посреднику между нами и Богом, спасшему нас через смерть на Кресте.

Проблема здесь в том, что в абсолютном большинстве такое вот внешнее благочестие, так сказать, боком выходит. Ну вот, предположим, новичок из уверовавших узнал, что креститься положено там то и сям то, и поначалу он, конечно, вынужден это делать сознательно – **стоит** в храме и прислушивается – ага, заканчивается молитва, и священник возглашает: «...ибо Ты свят, Боже наш, Тебе и воссылаем славу – Отцу, и Сыну, и Святому Духу ныне, и всегда, и во веки веков...», значит, надо перекреститься. Т.е. на первых порах всё нормально – человек с пониманием, творчески исполняет завет апостола прославлять Бога и в душах наших, и в телах наших. Но проходит немного времени – месяц, два, и вырабатывается рефлекс Павлова. Думать уже необязательно. Как только услышал - «Отца, и Сына, и Святого Духа...», рука автоматом двинулась вырисовывать соответствующую фигуру. Причём, независимо оттого – что в голове. Батюшка там молитву читает в алтаре, а я думаю: «картошку купить бы не мешало, килограмм пять хотя бы. Вчера по три гривны в «Оскар» продавали – правда мелкая и вялая была. А сегодня на базаре видел сочную и крупную, но по пять. С другой стороны – картошка, это ж не клубника – ну и что из того, что вялая – почистить, сварить – на пюре за милую душу сойдет – так это ж, по три, а не по пять – десять гривен экономится!». Затем дьякон возглашает прошения ектеньи, хор отвечает пением: «Поддай, Господи», ну а я за каждым возгласом рефлекторно крещусь и продолжаю соображать: «А может-таки по пять взять, крупную и свежую? От вялой и мелкой столько отходов будет, что после чистки варить ничего не останется».

Таким образом, этот священный жест девальвируется, практически, до нуля. Затылок почесал - пере-

крестился, зевнул – рот перекрестил, с ноги на ногу перевалился - опять крестное знамение на себя наложил. Да лучше бы ты за всю литургию всего один раз перекрестился, но в душевном порыве - искренне, от всего сердца!

Ещё есть такое обыкновение среди церковных людей - при любой встрече со священником брать у него благословение – «благословите, батюшка!» Особенно нелепо это выглядит, когда по какому-то случаю, скажем, на праздник, съезжается в одно место много священников, и тут миряне теряются - не знают, с какого отца начинать. Очередной иерей осеняет духовное чадо крестным знамением, ну, и тот отходит с чувством исполненного долга.

Вопрос – зачем всё это, даже в воздухе не повисает, потому что, как правило, им никто и не задается. Дескать, так принято, так положено. Кем принято, куда положено – тайна покрытая мраком!

О.Иоанн: «На самом же деле, благословение – это, в первую очередь, молитва напутствия. Ну вот, предположим, я подхожу к нашему Владыке и говорю: благослови в Москву съездить. Он спрашивает – зачем? - Отца Якова Кротова посетить - записать его для наших телепрограмм. Тут Владыка соображает: ну, вроде ничего дурного в этом нет – езджай с Богом, в добрый путь, ангела хранителя! Ну а про себя благословляющий как-то там молится, например: сопутствуй, Господи, Твоему чаду в пути, спешествуй в его благих делах и т.д. Т.е. благословение содержит, как минимум, три составляющие. Это **ОДОБРЕНИЕ** намерений благословляемого, **МОЛИТВА** об его успешности и **НАПУТСТВИЕ** – наставление и благопожелания – так сказать, слово благо – благословение».

Ну, а в современном церковном обиходе, что частую можно видеть? Машет крестообразно священник рукой направо и налево – вот тебе и всё благословение, за которым какого-либо особого смысла даже не предполагается.

Другими словами, что всё это означает? Жуткое несоответствие внешней формы внутреннему содержанию. Думает человек одно, говорит другое, а делает третье. «Приближаются ко Мне люди, говорил Христос и устами своими, языком чтут Меня, сердце же их далеко отстоит от Меня; - напрасно чтут Меня» (Мф. 15, 8).

Тут, понимаете, проблема даже не столько в том, что рефлекторное крестное знамение ничего не **стоит** в очах Божиих и совершается **тщетно**, зря. Это было бы ещё полбеды. Трагедия в том, что человек, слишком часто крестящийся, или с устами мягче масла и словами нежнее елеля, теряет способность быть адекватным. Он даже, если и захочет искренне перекреститься, у него это, скорее всего, не получится.

Да, православная традиция богата прекрасными формами приветствий и благопожеланий: «Бог в помощь», «Спаси Господи», «Благослови, Господь», «С Богом», «Ангела за трапезой», «Ангела в пути следования» – всё это замечательные слова, если они являются выражением нашего внутреннего состояния молитвы. Но если это мелко, на поверхности, без глубинного смысла, то все эти формы превращаются в некий такой «птичий язык» – приторно-сладкавый, а по сути – лживый. Ну а как по-другому, если говоря «Спаси, Господи!», у тебя нет никаких ассоциаций ни с Богом, ни со спасением. Да и вообще, непонятно – зачем кого-то спасать – никто не тонет, и никто не горит.

О.Иоанн. «Спаси вас, Го-о-осподи!» - «И вас, спаси, Господи, за то, что "нас спаси Господи!"». Такое вот щebetание лично у меня всегда вызывало аллергию. В Одесской Духовной семинарии, помню, за это волком на меня смотрели отцы-воспитатели - под благословение я подходил тогда только, когда уж отвертеться было невозможно и, вместо приня-

того «Спаси, Господи!», говорил простое светское «Спасибо». В Ленинграде – там всё нормально – наоборот, под подозрением были щебечущие и без причины под благословение бросающиеся. Потому что ректор - Владыка Кирилл Гундяев – человек здравомыслящий (был таковым, по крайней мере, в те времена) - всё с головы на ноги ставил».

Понимаете, вот этот сахар внешнего благочестия и благопристойности испортил множество православных желудков. Вот эта тенденция - чтоб всё было ровненько, пристойненько, аккуратненько, благозвучненько – это, на самом деле, прямой путь к фарисейству и религиозному лицемерию.

Кстати, борцы против переводов Богослужений на современный понятный язык - чем, в основном, движимы? Кажущейся милозвучностью и елейностью языка, ругательных слов на котором мы не понимаем. Искусственный языковой барьер на самом деле создается для того, чтобы оградить наши уши от подлинно православной свято-отеческой непосредственности. Святые отцы, они ведь нетерпимы были к различным сюсюканьям – «простите», «благодарю», «нижайше», «с почтением», «не изволите ли», «здесь вот помарочка у вас», «ошибочка вышла». Вообще, нет - задница, так – задница, а никакая ни попка или ягодички. Вот уже перед Великим постом мы начинаем петь: «Покаяния, отверзи ми двери, Жизнодавче...». На славянском языке. Потому что, если перевести на русский, то все ханжи из храма выбегут с визгом, не дослушав сие песнопение до конца. Ну а как же это можно вынести, такую свято-отеческую непосредственность, когда в церковном песнопении прозвучит всеобщий наш покаянный вопль, что, мол, души свои мы множеством грехов obosrali?

А Андрей Критский в своем каноне применяет такие образы, что дальше некуда, например: «Делаша на хребте моем вси начальницы страстей, продолжающая на мя беззаконие их». По-славянски звучит нормально, потому, что ничего не понятно. Да и русский наш перевод тоже ханжеский – ну Вы помните, как мы с Вами читаем: «На хребте моем пахали все вожди страстей, проводя вдоль по мне своё беззаконие». Ну а если бы правильно перевести? Не волнуйтесь, в этом номере «Седмицы» мы этого делать не будем.

Это, понимаете, в нас воспаляется стереотип субкультуры, уже уносимой ветром, к чьему-то сожалению, а к чьему-то облегчению, уже не совсем нашей культуры, которая, казалось, достойна всяческих похвал. «Не изволите ли», «будьте любезны», «милостивый государь», «вы так восхитительны», «уважаемые господа». Какие там к бесу господа - из колхоза «50 лет без уроя»!

Понимаете, в чем гниль этой псевдокультуры? В неадекватности, в несоответствии слов правде, в приукрашивании нечисти. Принято, например, говорить: «Иван Иванович - весьма жизнелюбив» - это так называется! Какое там - жизнелюбив?! Бабник он беззастенчивый, мягко выражаясь!

Библия, Слово Божие, противостоит этой лжекультуре. «Порождением ехидны», змеиным отродьем, именует Христос фарисеев (Мф. 12, 34). А Павел апостол сам себя называет извергом – выкидышем (1Кор. 15, 8), имея в виду тот свой период жизни, когда был противником Христа.

Ну а теперь, давайте, наконец, возвратимся к нашей с Вами теме – «ненормативная лексика», и отметим третью мотивацию использования бранных слов. Это внутренний протест против ханжества. Вот те тенденции, кои мы с Вами сегодня затронули – приукрасить безобразное, затушевать мерзкое - вот этот «птичий язык», будь то в Церкви или в миру, душевно здоровый человек будет воспринимать в штыки. Ну и одной из форм такого протеста, по всей видимости, не самой лучшей, является употребление в речи бранных слов людьми достаточно

культурными и нравственными. *О. Иоанн*. «Некоторых из этой категории я знаю лично. Это милые добрые люди, верующие, церковные, у которых с Богом, по всей видимости, лады, интеллектуалы, прекрасно владеющие языком, начитанные, знающие историю, люди высокой эрудиции. Но которые подчас не прочь ввернуть нецензурный оборот. Нет, конечно, не при женщинах и не при детях, но обыкновенное такое есть. Оправдывать не стану, но отмечу лишь некое смягчающее обстоятельство. Это попытка уберечь себя от ханжества и чванства. В противовес елейности и слащавости - на чашу весов бросить мужскую грубость и бесцеремонность. Метод, конечно, мягко говоря, проблематичный, но практикуемый».

Ну и четвертая есть мотивация употребления ненормативной лексики, о которой, если даст Бог, мы немного размыслим с Вами в следующий раз.

Домникия Гаврическая

продолжение

Ещё вспоминает отец Михаил Блощица: Каждый раз, когда он причащал Домникию, она, по своему обычаю, всегда чем-то напутствовала - хлебом, букетом цветов, булками или пирогами. Но однажды она его угостила перцем. Не долго Михаилу пришлось думать и разгадывать значение этого символа. Вызывает его уполномоченный Совета по делам религий Грыженко и просит регистрационную справку, якобы для сверки. Явившись в Облсполком, он подал регистрационную справку уполномоченному. Тот ее прочитал и положил себе в дело, а батюшке говорит: «В воскресенье Ваша жена и Ваши сыновья причащались в соборе, и сделали этим вызов школе. По их примеру половина школьников побежали на Причастие. Учитывая этот инцидент, я снимаю вас с регистрации. И вам у меня в области больше нет места для служения в сане».

Об этом Херсонский секретарь протоиерей Трофим Лютый доложил Митрополиту Борису. Митрополит доложил Патриарху Алексию. Святейший возмутился поступком уполномоченного. Шла борьба по защите о. Михаила и возвращении ему регистрации. Неделю он томился в неизвестности. Вновь поехал к Матушке, а та и говорит ему: «Були монастирі, були наставники, а тепер наставників немає, спасайтеся самі хто як може». На прощание напутствовала хлебом.

Не услышав ничего успокоительного, о. Михаил Блощица стал размышлять о своей жизни, о грехах, проступках и ему вспомнились слова из православного катехизиса о том, что Церковь свята и непорочна, а если в ней оказался член недостойный, то он отсекается или видимой властью, или невидимой силой Божией. А может, я просто недостойный служитель, подумал о. Михаил?

На следующий день он пошел на исповедь. Причастился Святых Тайн. А в понедельник вызывает его тот же уполномоченный и орет: «Как вы смели облачиться в ризы, если я аннулировал вашу регистрацию!» Священник ему ответил: «Регистрацию вы забрали, а сан на мне остался. Облачился я не для службы, а для причащения в Алтаре. Я говел, калялся в грехах и причащался». Он выкрикнул в ответ: «Раз я забрал у Вас регистрацию, то Вы больше не священник. Можете, как мирянин, причащаться на солее, а не в Алтаре!» Затем набрал телефон к секретарю Митрополита и говорит: «Блощица там у вас Причащался и облачался в ризы?» Секретарь ему ответил, что священник, по уставу, должен причащаться в священнических одеждах, и не на солее, а в Алтаре. Уполномоченный говорит: «Раз он покалялся, тогда дайте рапорт Митрополиту, чтоб его переместить в Екатерининский собор». Так на этом мытарства о. Михаила окончились.

Продолжение жизнеописания Домникии, составленного Владыкой Дамцианом - в последующих номерах «Седмицы»

*Предыдущие №№ «Седмицы» на сайте: <http://pravoslav.tv>
Листочек передайте, кому сочтете нужным*